

СЕМИОТИКА ПРОБЕЛА / ПУСТОТЫ / БЕЛОГО ПЯТНА В СМИ-ДИСКУРСЕ

В.И. Шаховский

Основываясь на разграничении понятий «содержание текста» и «смысл текста» по А. Новикову и на идеи М. Эпштейна об экологии «белого текста», обозначенном как « », статья предлагает понимание пустоты в газетных публикациях современного медийного дискурса. Предлагается понимание смысловых пазлов газетных пробелов / пустот. Устанавливается семиотика газетных пустот референтных общественно-политическому событию и их экологический, культурный и стилистико-игровой параметры. Определяется перечень функций пустот в газетном информационном пространстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: смысловые пазлы, знак пустоты / пробела « », белые пятна, смысловой конвой, экология СМИ, индивидуальная / коллективная идентификация, семиотика протеста пробела

ШАХОВСКИЙ Виктор Иванович – доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, главный научный сотрудник Института иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета, профессор кафедры языкознания. shakhovsky2007@yandex.ru

Цитирование: Шаховский В.И. Семиотика пробела / пустоты / белого пятна в СМИ-дискурсе [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 2. – С. 21–45. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

GAP / EMPTINESS / WHITE SPOT SEMIOTICS IN MEDIA DISCOURSE

Victor I. Shakhovsky

Basing on the distinction between "text content" and "text sense" according to Novikov and on Epstein's "white text" ecology idea that signified as « », the article offers a notion of the media discourse. Presented an understanding of semantic puzzles of newspaper emptiness / gaps. Established semiotics of newspaper

emptiness related to a socio-political event and its ecological, cultural and stylistic-play parameters. Determined cluster of gaps' functions in media space.

KEY WORDS: emptiness / gap « », white spots, semantic convoy, sense puzzles, media ecology, individual / collective identification, gap protest semiotics

SHANOVSKY Victor I. – DSc in Philology, professor, Honored Scientist of Russia, professor, chief researcher of Volgograd State Social-Pedagogical University. shakhovsky2007@yandex.ru

Citation: Shahovsky V.I. Gap / emptiness / white spot semiotics in media discourse // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2020, № 2. – P. 21–45. Access Mode: <http://www.tverlingua.ru>

– Зачем людям язык, если от него одни беды?

– Во-первых, чтобы врать.

Во-вторых, чтобы ранить друг друга шипами ядовитых слов.

В-третьих, чтобы рассуждать о том, чего нет.

В. Пелевин. Священная книга оборотня

Как отмечает А. Кибрик: «в лингвистике нет ничего другого, кроме проблемы значений» (Кибрик, 2019). И я бы добавил – проблемы смысла, ибо значение многослойно: оно – семантический признак слова, а у каждого признака обязательно наличествует неопределенное число смыслов, которые задаются различными коммуникативными ситуациями и, прежде всего, коммуникативной эмоциональной ситуацией (далее – КЭС). Каждая КЭС актуализирует из множества наборов смысловых признаков, конституирующих голограмму значения, тот или иной смысл-пазл, совпадающий с другими пазлами, следующей за ним дистрибуцией.

Именно в этом плане корпусная лингвистика и пытается составлять ситуативные словари. Ситуации рожают всё новые и новые смыслы, которые трудно зарегистрировать и потому – предписывать в речевой коммуникации (Гак и др., 2008).

Ещё в 70-е гг. И.А. Мельчук писал: «Естественный язык – это особого рода преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы (Мельчук, 1999: 9). К теме смысла учёные разных парадигм обращаются постоянно. В настоящее время эта тема особенно злободневна, на что указывают, например, две новые работы известнейших отечественных учёных-историков – И. Чубайса (Чубайс, 2018) и А. Мовчана (Мовчан, 2019). Их интерес к смыслам вызван как проблемой белых пятен в истории, так и бесчисленными информационными шумами, в том числе и белыми, по поводу как истинных, так и придуманных событий и фактов. Особенно важным для понимания современности, по мнению этих и других авторов, является сложнейшая эпоха постправды, которая превращает почти любого человека в *homo confusus* (Черниговская, www). А таким человеком очень легко манипулировать и принуждать к противоречивым акциям (Рекламный дискурс... 2013).

Пытается человек-ученый, равно как и человек наивный, выяснить природу пустоты, среди которой имеется такая её разновидность как «белое пятно». М.В. Ломоносов писал, что природа не терпит пустоты. Но тогда закономерен и вопрос: а белые пятна в информационном поле пусты или, они так же как нуль, который всегда значим? Может быть пустота потому пуста, что человеку пока не дано было её заполнить новыми знаниями, но даже пустота начинена смыслами, которые пока недостижимы и не осмыслены для человека. То есть он до определенного времени не знает, что они там (в пустоте) есть, и не знает, какие они и каково их наполнение. К тому же, пустота тесно связана и взаимодействует с достоверностью и авторитетностью знания: кто это знание добыл, от кого оно исходит, насколько оно достоверно. Ведь до сих пор люди различают веру VS знание: вера не основана на знании и достоверности. Она основана на авторитете (Понятие веры... 2019). А у многих людей и в вере есть белые пятна, т.к. авторитетность информации зависит от достоверности её источника. Религия

всегда «топтала» науку: сожжение Бруно, унижение Галилея, охота на ведьм, инквизиция, сожжение книг, доминирование догм. А не исключено, что наука и вера равнозначны, как две стороны одной медали и являются лишь двумя подходами / взглядами на одно и то же мироздание (Браун, 2018).

Реклама является разновидностью пропаганды. А вся пропаганда состоит из текстов. Согласно мнению А.И. Новикова, текст – это проекция значения на мозг, а смысл – это проекции мозга на текст. Новиков поставил перед собой задачу дать релевантное определение понятию «смысл текста». На основании проведенных экспериментальных исследований соотношения содержания и смысла в тексте, ему удалось найти ту демаркационную линию, которая разделяет данные понятия. Повторю выше отмеченное: нашел он ее в способе проецирования содержания и смысла на сферу сознания, что и сделало возможным выявить принципиальное феноменологическое различие между этими понятиями и дать им соответствующие определения, согласно которым содержание — это проекция текста на сознание, а смысл – это обратная проекция сознания на текст. Таким образом, содержание и смысл, будучи оба результатами понимания, представляют собой разные ментальные образования, и, соответственно, в основе их формирования лежат различные речемыслительные механизмы: «Содержание формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл – это мысль об этой действительности, т.е. интерпретация того, что сообщается в тексте. Содержание базируется на денотативных (референтных) структурах, отражающих объективное «положение вещей» в мире. Смысл же базируется в определенной степени на уяснении «сути дела», запрограммированной автором в замысле текста, который при восприятии предстает как некоторый код, который следует расшифровать» (Новиков, 2007: 143). Из вышесказанного можно сделать вывод, что содержание объективно (и поэтому его можно моделировать), смысл же всегда субъективен. Отсюда еще одно очень важное заключение:

«Текст сам по себе не имеет смысловой структуры. Смысловая структура является принадлежностью не текста, а смысловой сферы личности, воспринимающей и осмысливающей текст» (Новиков, 2007: 179).

Я, может быть, излишне детально повторил все основные мысли А.И. Новикова, самого известного тексто-лингвиста из-за необычайной глубины и ясности понимания им смысла текста, которая до настоящего времени продолжает оставаться оригинальным и бесспорным. Именно поэтому современная коммуникология и когнитология уделяют такое значительное внимание проблемам обмена смыслами и наиболее адекватному совпадению их паззлов в процессе общения всех видов и типов. Также в прошлом веке была очень популярной монография Р.Й. Павилёниса, в которой рассматривался философский аспект смысла (Павилёнис, 1983). Наука до сих пор ищет смысл жизни человека, а каждый человек ищет смысл своей профессиональной деятельности и своего бытия и всё время уточняет у собеседника смысл изречённого: «Что ты имеешь в виду»?

Но как быть со смысловыми паззлами пустоты / пустот текста? И ещё более трудным встаёт вопрос об экологичности пустоты, в связи с самым современным научным трендом – лингвоэкологией. Справедливости ради, отмечу также, что существует Экология Медицины, Экология Педагогики, Экология Биологии, Экология Психологии, Экология Градостроения, Экология Рекламного производства и др.

В своей широко известной статье «Наброски к экологии текста» М.Н. Эпштейн (Эпштейн, 1997: 3-41) предложил собственное оригинальное понимание пустот в печатном тексте, которые он назвал «знаками пробела» и обозначил следующим символом – « ». В широком смысле эти пробелы, пустоты можно было бы назвать «белыми пятнами» текстов. По появлении Интернета эти понятия легко экстраполировались и на цифровые тексты, т.к. в них тоже обязательны пробелы между словами, между абзацами, между буквенным текстом и границами места его размещения сверху-снизу, справа-слева, тем, что в текстологии называется полями, равно как и в рукописях.

Установлено отличие современной лингвосемантики и лингвосемиотики от довольно известных графических форм. Общеизвестны многочисленные номинации как семиотические знаки референтов: *белые пятна в истории / биографии / на карте; белые пятна на одежде; белая одежда у арабов, «Белые одежды» (роман М. Дудинцева); белый человек; Андрей Белый (настоящее имя Борис Николаевич Бугаев); «Белое солнце пустыни», белый снег; белое безмолвие; белый билет, повесть «Белый-белый пароход» Ч. Айтматова, белый парус, белый стих, белый шум, белая гвардия, белый сад («Как молоком облитые стоят сады...» И. Никитин), белый саван / белые тапочки, белый венец, белая зависть, белая конкуренция, белый конверт* и мн. др. В этих и в других комбинациях со знаком «белый» зафиксированы разные смыслы: лакуна в знаниях, пробелы, неизвестные, неоткрытое / непознанное, испорченное белизной, цвет, национальная символика, символ жертвенности / невинности / смерти / венчания, расовая принадлежность, псевдоним, сильная яркость, чистота, полное / оглушительное, статичный / равномерный, непригодность, надежда, нерифмованность, идеология, скромность / искренность / приветливость, похороны, честность, не коррупционный, хорошее и мн. др. Как видно из этого смыслового кластера лексемы «белый», она многослойна и, может быть, голографична по своим смыслам и порой контрастна. В этом и заключается семиотическое значение языкового знака «белый», отсюда и ее экологический параметр, который рассматривается столь детально М. Эпштейном. Напомню также, что в вербальном тексте языковой знак «белый» может быть заменен знаками «пустота», «пробел».

На мой взгляд, основной мыслью / идеей феномена белого пятна является его информационная значимость, т.е. определённый смысловой конвой буквенного текста. Такие пробелы, несомненно, являются графическими. Но существуют ещё и специальные пробелы как стилистические приёмы. Их общее терминологическое название – «графические особенности», и они описаны во всех учебниках по

стилистике. Мы полагаем, что М.Н. Эпштейн не имел в виду стилистическую функцию таких пробелов. Его внимание и акцент был уделён их экологической функции, на что указывает и название его исследования.

В данном исследовании М.Н. Эпштейн пишет: «Предмет экологии, то есть природа в качестве среды обитания, создан долгим, многовековым развитием культуры, которая «расприроднивала» человека и оттесняла природу на периферию существования, превращала природу из самосушей и вездесущей реальности в «окружающую среду», в «экологический фактор» (Эпштейн, 1997). Как видно из данной цитаты, проблема экологии изучается почти всеми существующими в современном мире науками. Она расширила своё понимание природы как среды обитания человека и свою функцию – сохранение природы. Наиболее подробно данное семантическое и функциональное расширение термина «экология» разработано и описано современной теорией языка в рамках научной парадигмы «лингвистика эмоций = эмотиология» и её ответвлением «Эмотивная Лингвоэкология» (Эмотивная лингвоэкология... 2013).

Если вкратце, то экологическая функция языка тесно взаимодействует с экологией человека говорящего и его эмоциональным пространством, т.к. и у среды обитания, и у человека неотъемлемыми являются эмоции. Поэтому нельзя не согласиться с М.Н. Эпштейном в том, что «Экология – это не естественная, а гуманитарная наука, предмет которой – природа перед лицом культуры, точнее, природа как порождение и инобытие культуры» (Эпштейн 1997). А самой гуманитарной наукой является лингвистика. Вот почему я уже давно высказал мысль о том, что современное языкознание является самой главной из всех наук: оно объединяет все человеческие проблемы, оно обобщает полученные разными науками результаты, фиксирует их в письменной форме, и оно же осуществляет их межпоколенное транслирование. Как известно, языкознание уходит своими глубокими корнями в древние исторические времена: веды, риторика, силлогизмы и др. вплоть до современных баттлов и мемов.

Из дальнейших рассуждений М.Н. Эпштейна следует, что предмет экологии – природа перед лицом культуры, точнее, природа как порождение и инобытие культуры. Конечно же, это слишком широкое понимание предмета экологии, очень обобщённое, и в нём можно выделить и конкретные проблемы этого предмета, и конкретные функции, и конкретные дискурсы / коммуникативные среды, научные парадигмы. Одной из важнейших проблем экологии языка и человека является проблема её параметризации. Уже не раз отмечалось большое внимание многих вузовских лингвистов к различным проблемам человеческой и языковой экологии. Созданы многочисленные лингвоэкологические школы, регулярно проводятся региональные, всероссийские и международные конференции, публикуются их материалы. Назовём такие города: Волгоград, Астрахань, Тамбов, Саратов, Пенза, Красноярск, Москва и др. Такое усиленное внимание к гуманитарной проблеме экологии объясняется её социальным и (анти)терапевтическим фактором. И есть надежда, что результаты такого внимания, прежде всего лингвистов, окажут положительное влияние на экономику, политику и здравоохранение страны.

Проблема экологии СМИ стала особенно острой с появлением Интернета и с присвоением ему статуса СМИ (Клушина, 2019; Шаховский 2019; Эффективность коммуникации ... 2019). 30 000 СМИ во всём их многообразии представляют более 200 000 ежедневных новостей и являются мощнейшим раздражителем их пользователей в положительном и негативном смыслах, соответственно маркированных экологичностью / неэкологичностью. Этот факт требует постоянного внимания лингвистов, школы, семьи, социума, государства. Это объясняется тем, что лингвистика картирует всю динамику как текущей проблематики, так и её языковой презентации, репрезентации, комментирования с целью определённого воздействия на адресата. Однообразного воздействия, однако, не может получаться в силу различия восприятий этой информации разными

адресатами и, прежде всего, в силу их различного эмоционального понимания / непонимания и понимания / непонимания эмоционального.

Влияет на разнообразие мнений и такой фактор как индивидуальная идентификация. Каждый понимает одну и ту же информацию в соответствии с собственной самоидентификацией в системе своих собственных когнитивно-оценочных и духовно-нравственных координат: приятное-неприятное, хорошо-плохо, выгодно-невыгодно. Что является совершенно неразработанной и неисследованной темой ни в социологии, ни в психологии, ни в психолингвистике. А тут ещё, как говорил В. Черномырдин: «Не было никогда, и вот опять» – проблема семиотики белых пятен, пробелов, пустот. Если ретроспективно взглянуть на появление белых текстов, пятен, пробелов, пустот, то изначально их можно встретить в художественной литературе и в поэзии. Например, у Р. Киплинга стихотворение в форме змеи, текст в форме хвоста мыши у Л. Кэррола, ступени-лесенка в поэтическом творчестве В.В. Маяковского и др. А также стоит вспомнить белые полосы на первых страницах некоторых газет. Так, в «Вечернем Ленинграде» статья «Белые пятна августа 1991-го»; Интернет-платформа «Общество» статья «СМИ Ставрополя выйдут с «белыми пятнами» в 2010; статья «Улица заречная» в газете «Известия Украины» в 2012 и др (см. ниже).

Нетрудно заметить их явную экспрессивно-эмоционально-оценочную семантику (которая легко декодируется как протестная), т.е. семиотическую значимость, по образцу – «ноль тоже семантически значим». А вот вопрос об экологичности знака пробела (текстовой пустоты) впервые поднят М.Н. Эпштейном.

В том, что, к сожалению, примерами белых текстов являются протестные газеты, вины Эпштейна нет. И это – не протесты всего общества. Но они являются составляющими объективной реальности, а не виртуальной. И они, конечно же, начинены смыслами, которые легко декодируются в

конкретном социуме и в конкретную эпоху, и в конкретной ситуации. Белые пятна являются новым средством СМИ, как и Интернет.

В СМИ новой России уже при переходе от Советского Союза к его распаду и к выделению России в качестве суверенного государства начал зарождаться так называемый *протестный синдром* или, по-другому, *протестный тремор*. Понимать эти термины можно по-разному, и с точки зрения личностной осмысленности, и с точки зрения социальной, и с точки зрения властно-государственной. В формировании этого феномена была заметна и роль семиотики знака пробела или, по-другому, белых пятен, пустот, но это не информационная пустота, такая пустота информативная: она информирует о несогласии, недовольстве, возмущении, протесте как ответ на язык власти. Это один из способов информационной девербализации, одна из информационных технологий. Так, в архиве Интернета сохранились некоторые следы появления знака пробела, и его повторения.

Приведём примеры. В бумажной газете «Вечерний Ленинград» 1991 г., когда очередной номер был свёрстан, в типографии, как обычно, потребовали отметку Главлита. Главный редактор дозвонился до цензоров, но там заявили, что они «литуют» номера только в мирное время, а в этот понедельник разрешение должны давать военные. Заместитель главного редактора Евгений Веселов повез номер военному цензору в здание Главного штаба на Дворцовой площади. Там материалы с интересом прочитали (они тоже мало знали о том, что происходит в стране), но сказали, что в таком виде номер, конечно, выпустить не могут. Тогда Веселов задал вопрос, в каком виде «Вечерка» может выйти. «Вот без этого, этого, этого и этого текстов», — сделали отметки цензоры. В редакции приняли решение: убрать снятые цензурой материалы и абзацы, чтобы номер мог выйти, но не ставить ничего на вычеркнутые места. Так и выпустили номер с «белыми пятнами». «В стране чрезвычайное положение», – пишет «Вечерний Ленинград». В приведённой выше цитате с сайта об этой газете (Белые пятна августа 1991-го». О ленинградской цензуре и ленинградском сопротивлении во время

путча, www) дан комментарий того, в каком виде вышла эта газета для ленинградских читателей. И, судя по архиву из Интернета, это был первый случай использования пустых полос, белых, бессловесных, но, несомненно, с определённой семантикой.

Следующим примером, отражённым в Интернете, является событие со ставропольскими печатными СМИ (газетами). Читаем такую информацию: «Печатные СМИ Ставрополя поддерживают инициативу Союза журналистов России 5 декабря выйти на первых полосах газеты с белым пятном, где будет надпись, что здесь должны быть фамилии убийц журналистов и их заказчиков», – заявил председатель Ставропольского краевого отделения Союза журналистов России Василий Балдицын (СМИ Ставрополя выйдут с «белыми пятнами», www). Данная информация высвечивает другой смысловой конкретизатор семантического признака «протест» – «обвинительный». Замечу, что данная функция более чувственная, т.к. обладает большей энергетикой, экспрессией и импрессией, а также фасцинацией, как и в случае с креолизованными комиксами. И причиной такой повышенной энергетичности газетной пустоты явилась текстовое предуведомление (реализация), которое направило вектор восприятия и осмысления адресатом такой пустоты.

В газете «Улица Заречная» («Известия в Украине», 2012) мы также встречаемся с анализируемым семиотическим феноменом. Приведём следующую цитацию: «Мы вышли с пустой первой полосой, потому что вас и нас пытаются лишить свободы слова» (Улица Заречная. Известия в Украине, www). Как и в предыдущем примере, пустота оказалась креолизованной. Следовательно, тоже более чувственной, энергетичной, воздействующей, хотя, видимо, придётся заметить, что эта градация «более-менее сугубо личностна». А под градацией я не имею в виду каждого конкретного адресата: она может быть личностной и для группы, коллектива, части определённого этнического социума.

Здесь приведены примеры русского, украинского менталитетов, а поскольку Ставрополь находится на Кавказе, то и локального менталитета как и этнического – дагестанского. В последнем случае речь идет о событии 2019 года в Дагестанской национальной газете «Черновик», редактора которого заподозрили в терроризме, а журналистский коллектив газеты отреагировал белой полосой на первой странице своей газеты («Черновик», www).

Приведённые примеры показывают, что у использования пустоты, белого пятна в печатной продукции СМИ есть не только общие функции, но и различительные. Адресат с анализаторским мышлением / сознанием легко декодирует семиотику пустоты процитированных изданий. Согласно картотеке, таких случаев немного, но то, что они появились, и то, что они появились в определённую эпоху и в связи с определёнными событиями, мотивировавшими их возникновение и распространение, говорит о многом. На мой взгляд, лингвистическая идея М.М. Эпштейна неожиданно получает расширительные функции и сферы применения в новом качестве, в новом воплощении. Кроме этого, появление такой формы бытования / функционирования печатных СМИ, хотим мы этого или нет, свидетельствует о возникновении объединяющего определённую часть социума *протестного тремора*. Почему этот синдром получил такое название, можно только догадываться. Но его участие в создании коллективного разума нового гражданского общества, несомненно, выполняет созидательную потенциально-экологическую роль. И с точки зрения эмотиологии и лингвоэкологии, эта роль позитивна для будущего и страны, как мне кажется. Но, как известно, категория кажимости очень размыта и очень мало разработана в лингвистическом аспекте (Семёнова, 2007).

Предположительно, Эпштейн сам поневоле думал о квадрате Малевича, предлагая свое открытие, потому и назвал его «белым». Вокруг этого квадрата тоже белый фон, который является текстом. Сам квадрат, с одной стороны, мало что значит без белого фона, а с другой стороны, для каждого адресата у него свой смысл. Ср. этот пример с креолизированными

текстами и, прежде всего, с комиксами (Козлов, 1999), которые варьируются по форме: они представляют собой либо рисунки события в динамике, либо рисунки сопровождаются облачками (Speech Bubble) с текстом высказываний персонажей. Эти формы различаются по контенту. Значит, и отсутствие облачков тоже семиотически и семантически значимо. И только в их в суммативности есть общий смысл.

Напомню, чёрный квадрат К. Малевича помещён в белую пустоту, т.е. в белые квадратные рамки, и контрастирует с ним. Естественен вопрос: что есть квадрат Малевича – семиотический минимализм или наоборот – семиотическое расширение? Ведь ясно, что физический предмет в виде чёрного кубика в руках человека вне пределов белого поля значит совсем другое. И потому бессмысленны многолетние и многочисленные обвинения К. Малевича в бессмысленности его квадрата.

Все художественные произведения, равно как и квадрат Малевича, имеют смысл. Зачастую тайные смыслы, как и символы, например, в произведениях Брауна, являются утраченными и потому требуют больших усилий по их реконструкции и пониманию. Но чаще всего они остаются не явно эксплицированными. Именно поэтому У.Эко рекомендует одно и то же художественное произведение читать по несколько раз, снимая пласт за пластом контентные слои, и проникая всё в глубинные смыслы текста, и вытягивая их на поверхность сознания (Эко, 2005). С этой точки зрения все предыдущие пласты хотя и имеют формальные графемы (вербемы), но нередко представляют собой смысловые белые пятна, так как остаются вне понимания и вне осмысления.

А собственно белый текст, где отсутствует всякая буквенность, загружен смыслами, которые декодируются каждым читателем по-своему. Играют ли они дополняющую смысловую функцию к смыслоизображению и графике, например, мемы? Если да, то значит, белый текст, зародившись в печатных изданиях (в книгах), перешёл в газеты, а затем и в Интернет.

Можно ли понимать белый текст как диалектическую форму отрицания в речевой / текстовой коммуникации людей или как дополнение смыслорасширительной его функции? В результате исследований знака пробела в новых знаниях о нём уже набирается некая номенклатура его функций. И все они имеют дело, так или иначе, со смыслами общения и с их экологией, т.к., несомненно, проблема смысла не может быть рассмотрена вне экологических параметров.

Несомненно, знак пробела (белое пятно, пустота) в любом текстовом пространстве – книжном или медийном / виртуальном является семиотической игрой. Ибо пробел – это тоже знак, имеющий как форму, так и содержание. И такая семиотическая пустота тоже значима. И в художественном произведении Пелевина (Пелевин, 1996), и в теоретической работе спровоцированной этим произведением (Суродина, 1999) убедительно показано, что пустоты являются только кажущимися: пустота – тоже семиотическая игра, всегда знак потаённого смысла. Можно предположить, что пустота тоже является белым пятном « ». Игра между текстом и знаком пробела является игрой пробелов, т.е. «semantic stretching» (добавочными смыслами). Такая форма игры ещё не описана и отсутствует в типологии языковой игры, но упоминается в учебниках по стилистике как стилистический приём, и в школьных учебниках, когда предлагается вставить нужное слово в белое пространство внутри предложения.

Продолжим изучение текста М.Н. Эпштейна, где он пишет о том, что есть смысловые поля интенциональности за пределами текста. Это мнение вызывает вопросы: или вместо текста, или между текстами? для домысливания / обдумывания / осмысления / рефлексии? Ни на один из этих вопросов пока ответов нет. Так что изучение данной работы М.Н. Эпштейна является очень перспективным для углубления в семасиологическое пространство любого текста. Как тут ни вспомнить ещё раз слова А.И. Новикова о соотношении текста и его смысла (см. выше).

Можно рассматривать пробел и как семантическое ожидание, как стилистический приём ретардации для большего эффекта последующих вербем. Но для этого тоже нужно специальное исследование.

Обратимся к современному медиапространству и к многочисленной фэйковой и противоречивой информации об одном и том же факте или событии. Она низводит всю информационную ценность к фактическому нулю, т.е. к пустоте, к варианту белого пятна, а именно – информационно-когнитивному пробелу. В этих случаях начинает осознаваться огромная опасность такого явления в информационном движении и его деструктивном влиянии на психоэмоциональную сферу человека, особенно в информационном гвалте / оре.

В результате происходит трансформация *homo sapiens* через *homo sentiens* в *homo mentiens*, *vulgaris*, а затем и в *homo confusus*. Что может делать человека безынициативным, пассивным, легко управляемым, с расщепленным сознанием, а это приводит к деформации личности и к формированию новой психологии людей, к новой психосемантике. Что же лучше: новая общность «советский человек» или *homo confusus*, который не понимает ни что же делать, ни кто же виноват?

По-моему, чрезмерное обилие противоречивой, зачастую перемешанной с фэйковой, информации приводит к её размытой чёткости, что можно приравнять к нулевой информации, т.к. она, якобы, ничего не предписывает, ни о чём не сообщает. Но тот факт, что она созидает информационный мусор, не позволяет назвать её смысловым нулём. Либо это значащий нуль: в математике, в эмоциональной сфере, информационный нуль, так же как безмолвный нуль. Думаю, что больше нельзя сомневаться в том, что любой нуль значим, как и отказ от вербального прямого ответа на вопрос: не-ответ = нуль, но такой нуль нагружен смыслами.

Нуль – графически выраженное Ничто. Белое пятно в газете можно интерпретировать как угодно: все зависит не только от социального контекста, но и от фантазии интерпретатора, комментатора,

реинтерпретатора. Следовательно, белое пятно – величина не константная, наполненная разнонаправленными смыслами. В тексте есть подтекст, аллюзии, отсылки и т.п. только потому, что существует сам ТЕКСТ.

«В белом пятне нет ничего» – такое мнение возможно. Но ведь даже в нуле, говорили, ничего нет. А потом наука признала, что нуль значим. Ср.: *1,0* и *10, 100, 1000, нулевые годы, нуль солнца на небе* и т.п. Так значим ли нуль? Если нуль ничего не значит, т.к. является белым пятном, то почему же тогда науке известно о нулевой эмоциональности (Шаховский 2008)? О многозначности или однозначности нулевой информации? Паузу в диалоге и дискуссии тоже можно принять за пустоту во время общения. Но эта пустота может быть сильнее как вербальных, так и авербальных знаков. Например, стилистический прием *умолчания*. Разве это не так?

В науке отмечается содержательность более высокого порядка, чем содержание того или иного текста. Это интенциональность самого письма, включающая его разделение на зону актуализации, сам текст, и зону чистой потенциальности, « », и способы их взаимодействия. Интенциональность текста является ингерентным спрятанным смысловым дополнением к ее экстенциональности. По М.Н. Эпштейну, белое пятно / пробел между словами семантически нагружено как интенционал.

Экология текста изучает значение « » в меняющихся исторических обстоятельствах, в структурах разных жанров, в развертывании разных уровней и сфер культуры, в построении разных знаковых систем и текстуально-информационной деятельности (то есть « » имеет ещё и диахронический аспект, он трансформируется). Тем более, от культуры к культуре: пергаментные vs компьютерные тексты; а имеются ли исследования « » в виртуальной реальности?

Как соотносится текст с тем специфическим полем, которое предназначено для покрытия текстом? Повторю, « » – семиотичен, но не однозначен по значению, в каждой конкретной ситуации / дискурсе у него свой смысл-конкретизатор. Вот почему семная семасиология различает

значение, коннотацию, импликационал, эксплиционал, ассоциацию, интенционал, экстенционал, которые всегда семантически. Естественно утверждение, что « » дискурсивно. И, по-моему, « » может быть эмоциональным / эмотивным. Пробел / белое пятно всегда фасцинативен / аттрактивен и потому ассоциативен: у каждого реципиента свои субъективные ассоциации, а ассоциации – образны, картинны и потому эмоциональны. Поэтому исследование экологии пробелов, несомненно, является проблемой психолингвистической и этнопсихолингвистической. Не зря совсем недавно обозначилась новая смешанная научная парадигма – этнопсихолингвистика (Пищальникова 2018).

В связи с этим замечу, что пустоты различаются по интенсивности функций и по воздействию на отдельные группы, не только внутри одной этнической культуры, но и внутри разных. Это объясняется тем, что белое пятно (пробел между словами) семантически нагружено как интенционал текстового экстенционала

Тексты СМИ всегда обладают определённой энергетикой. Вот почему печатное слово в газете всегда считалось более действенным по сравнению с просто написанным. А напечатанные тексты психолингвистика всегда считала *живыми* текстами. Этой живодейственностью и отличаются печатные СМИ от непечатных, в том числе и от интернетных и от аудиальных. Вот почему считаю витальной потерю интереса молодого поколения к печатной художественной литературе, особенно к классической мировой (Залевская 2001).

Я уверен, что это приведёт к увеличению белых пятен в когнитивных и коммуникативных ресурсах будущего поколения. Но я уверен также и в том, как филолог, что любовь к слову и, прежде всего, к художественному обязательно возвратится к Человеку.

Заключение

Подводя итоги анализу семиотики пустот в СМИ-дискурсе, замечу, что наиболее интересным и перспективным, на мой взгляд, является выделение функций знака пробела, получившего несколько названий: *пробел, пустота, белое пятно, лакуна* и т.п. В статье обращается внимание, что в безразмерном информационном пространстве « » занимает большое место и выполняет несколько функций: собственно информационную функцию (дополнительную, контрастирующую...), семантико-расширительную, чувственную (импрессивную, экспрессивную, фасцинативную, а значит и ассоциативную), прагматическую, протестную (но не агрессивную), энергетическую и др. Пустоты различаются по интенсивности функций, по воздействию на отдельные группы как внутри одной этнической культуры, так и разных.

Информационные тексты СМИ с пробелами / пустотами / белыми пятнами являются проекциями значений адресанта на мозг адресата, а смыслы адресанта (журналиста, редактора СМИ) – проекцией его мозга на изобретаемый им текст для адресата. Содержание « » объективно, и поэтому его можно смоделировать и в знак пустоты, а смысл, индуцируемый у адресата этим знаком всегда субъективен, но, как правило, одинаков для определенного социума и определенного события. Пустота / пробел / белое пятно в информационном издании является игрой формы, и поэтому « » выполняет еще одну функцию – игровую. Но эта игра политическая, то есть серьезная.

Обращается внимание читателей на то, что лингвистика не должна заниматься политикой, в полном смысле этого слова, но фактически она не может ею не заниматься, потому что она занимается языком, которым делается политика. Лингвисты фиксируют всё происходящее в мире в определённых текстах, и, прежде всего, в текстах СМИ, они хранят эти тексты и осуществляют их межпоколенную трансляцию. В этом отношении лингвист играет роль сейсмографа, который отслеживает все события и их языковое оформление в вертикальной и в горизонтальной рефлексиях.

Появление белых пятен / пробелов / газетных полос в этом смысле является «мильными вехами истории», т.к. они фиксируют новую форму журналистского протеста. Пробелы / пустоты / белые пятна так же как нуль всегда значимы, ибо они семиотичны, поскольку знаково заменяют соответствующие эмоциональные рефлексивы в кластере «недовольства / несогласия». В этом плане даже пустота начинена смыслами, вполне понятными для адресата и осмысленными для адресанта. А значит важнейшие функции пустот / белых пятен в СМИ-дискурсе является семиотическая функция, ассоциируемая с информационной и политической. Белое пятно / пробел между словами семантически нагружено как семантический интенционал.

В статье показана и экологическая функция « »: объединяющая, поддерживающая (а значит – терапевтическая, то есть позитивная). Поэтому анализируемый в статье феномен СМИ-дискурса еще раз подчеркивает гуманитарность Лингвоэкологии и ее отрасли – Эмотивной Лнгвоэкологии. Но « » оказывает и деструктивное влияние информации на психоэмоциональную сферу человека (эмоции недовольства, раздражения, протеста).

Ссылки – References in Russian

Белые пятна августа 1991-го. О ленинградской цензуре и ленинградском сопротивлении во время путча. Автор: Виктория Волошина. Вечерний Ленинград // [Электронный ресурс] URL: https://m.gazeta.ru/25_years_without_the_USSR/10138835.shtml

Дэн Браун, 2018 – *Браун Д.* Происхождение. – М.: АСТ, 2018 – 576 с.

В Дагестане журналиста «Черновика» обвинили в финансировании терроризма [Электронный ресурс] URL: <https://news.rambler.ru/incidents/42545377-v-dagestane-zhurnalista-chernovika-obvinili-v-finansirovanii-terrorizma/> (дата обращения: 11.10.2019).

Вторая встреча с Т. Черниговской // [Электронный ресурс] URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-tatyana-chernigovskaya-pozner-vypusk-ot-25042016> (дата обращения: 25.12.2019).

Гак, Соколова, Триумф, 2008 – *Гак В.Г., Соколова Г.Г., Триумф Ж.* Французско-русский словарь активного типа. – М.: Дрофа, 2008. – 1056 с.

Залевская, 2001 – *Залевская А.А.* Текст и его понимание. – Тверь, 2001. – 177 с.

Кибрик, Федорова, 2019 – *Кибрик А.А., Федорова О.В.* О структуре мультимедийного дискурса // *Образы языка и зигзаги дискурса*, сбор. науч. статей. к 70-летию В.З. Демьянкова. – М.: 2018. – С.174–180.

Клушина, 2019 – *Клушина Н.И.* Медистилистика и эмотивная лингвистика // *Известия ВГСПУ.* – №1. – 2019. – С. 158-161.

Козлов, 1999 – *Козлов Е.В.* Коммуникативность комикса (в текстуальном и семиотическом аспектах). – Автореф... канд. филол. н. – Волгоград, 1999. – 17 с.

Лингвокультурологические исследования. Понятие веры в разных языках и культурах, 2018 – *Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах* / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2018. – 856 с.

Мельчук, 1999 – *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл-Текст». – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 346 с.

Мовчан, 2019 – *Мовчан А.* Россия в эпоху постправды. Здравый смысл против информационного шума. - М.: Альпина Паблишер, 2019. – 598 с.

Нестерова, 2016 – *Нестерова Н.М.* Текст и его «проекции»: памяти Ю.А. Сорокина и А.И. Новикова // *Вопросы психолингвистики.* № 3 (29). – 2016. – С. 169–175.

Новиков, 2007 – *Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты. М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.

Павилёнис, 1983 – *Павилёнис Р.Й.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

Пелевин, 1996 – *Пелевин В.О.* Чапаев и Пустота. – М.: Эксмо, 1996 – 416 с.

Пищальникова, 2018 *Пищальникова В.А.* Актуальные проблемы этнопсихолингвистики // *Этнопсихолингвистика*. – № 1. – С. 9–25.

Рекламный дискурс и рекламный текст: кол. монография / Т.Н. Колокольцева (ред.). – М.: Флинта: Наука, 2013. – 296 с.

Семенова, 2007 – *Семёнова Т.И.* Лингвистический феномен кажимости. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2007. – 237 с.

СМИ Ставрополя выйдут с «белыми пятнами» // [Электронный ресурс] URL: <http://stavr.info/news/1990> (дата обращения: 13.10.2019).

Суродина, 1999 – *Суродина Н.Р.* Лингвокультурологическое поле «пустота» (на материале русской концептуальной поэзии). – Автореф. ... канд. филол. н. – Волгоград, 1999. – 23 с.

Улица Заречная. Известия в Украине. 27.09.2012. № 39 (585) // [Электронный ресурс] URL: http://zabor.zp.ua/gallery/details.php?image_id=9104&mode=search (дата обращения: 13.10.2019).

Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: Сборник научных трудов, посвящённый 75-летию профессора В.И. Шаховского. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. – 370 с.

Чубайс, 2018 – *Чубайс И.Б.* Русская история, беседы о смыслах. Новая концепция - без мифов и "белых пятен". - Яуза, 2018. – 304 с.

Шаховский, 2008 – *Шаховский В.И.* Эмоции в нулевой коммуникации // *Человек в коммуникации: лингвокультурология и прагматика: сб. науч. тр.* – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. – С. 75–83.

Шаховский, 2016 – *Шаховский В.И.* Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография). Волгоград, изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016. – 504 с.

Шаховский, 2019 – *Шаховский В.И.* Современные СМИ: ответственность журналиста // *Экология языка и коммуникативная практика.* – № 1. – 2019б. – С. 1–12.

Эко, 2005 – *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – СПб.: Симпозиум, 2005. – 502 с.

Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / проф. В.И. Шаховский (ред). - Волгоград: Изд-во ВГСПУ "Перемена", 2013. – 450 с.

Эпштейн, 1997 – *Эпштейн М.Н.* наброски к экологии текста // *Журнал "Контарии".* – Москва-Петербург. – № 13. – 1997. – С. 3–41.

Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы ее достижения: монография / О.Б. Сиротинина, М.А. Кормилицыной (ред.). – Саратов: ООО Издательский Центр "Наука", 2019. – 236 с.

Язык, право и общество в координатах массмедиа // *Материалы III Международной научной конференции.* – М., 2019. – 259 с.

References

Advertising discourse and advertising text (2013) *Advertising discourse and advertising text* / T. N. Kolokoltseva, M., Flint, 296 p. (in Russian).

Brown, D. (2018) *Origin*, M., Ast, 567 p. (in Russian)

Chubais, I. B. (2018) *Russian history, conversations about meanings. A new concept-without myths and "white spots"*, Yauza, 304 p. (in Russian).

Eco, U. (2005) *The role of the reader. Researches on semiotics of the text*, SPb, Symposium, 502 p. (in Russian).

Effectiveness of communication: the concept, the role of the addressee and addressee, the main methods of achieving it / O. B. Sirotinina, M. A. Kormilitsyna, Saratov, Publishing Center "Science", 236 p. (in Russian).

Emotive linguoecology in the modern communicative space (2013) *Emotive linguoecology in the modern communicative space* / V. I. Shakhovsky, Volgograd, VGSPU "Peremena", 450 p. (in Russian).

Epstein, M. N. (1997) Outline to the ecology of the text // *The Magazine "Kontarev"*. Vol. 13 pp. 3-41. (in Russian).

Gak, V.G., Sokolova G.G., Triomf , Zh. (2008) *French-Russian dictionary of the active type*, M., Drofa, 1056 p. (in Russian).

Human in communication: from categorization of emotions to emotive linguistics: a Collection of scientific papers dedicated to the 75th anniversary of Professor V. I. Shakhovsky. (2013), Volgograd, Volgograd scientific publishing house, 370 p. (in Russian).

In Dagestan, the journalist of "Chernovik" was accused of financing terrorism, (2019) [Electronic resource] URL: <https://news.rambler.ru/incidents/42545377-v-dagestane-zhurnalista-chernovika-obvinili-v-finansirovanii-terrorizma/> (accessed: 10/11/2020) (in Russian).

Kibrik, A. A., Fedorova O.V. (2018) About the structure of multicategorical discourse // *Images of language and zigzags of discourse, collection. science. articles'. to the 70th anniversary of V. Z. Demyankov* M., pp. 174–180 (in Russian).

Kozlov, E.V. (1999) *Communication of the comic (in textual and semiotic aspects): autoreference*, Volgograd, 17 p. (in Russian).

Klushina, N.I. (2019) Mediastylistics and emotive linguistics // *Izvestiya VSPU*. Vol. 1, pp. 158–161 (in Russian).

Language, law and society in the coordinates of mass media (2019) // *Materials of the III International scientific conference*. M., 259 p. (in Russian).

Linguistic and cultural studies. Understanding faith in different languages and cultures, 2018-Logical analysis of language. *The concept of faith in various languages and cultures* (2018) / D. Arutyunov, M. L. Kovshov, Moscow, Gnosis, 856 p. (in Russian).

Melchuk, I.A. (1999) *Experience of the theory of linguistic models "Meaning-text"*, M., School "Languages of Russian culture", 346 p. (in Russian).

Movchan, A. (2019) *Russia in the post-truth era. Common sense against information noise*, M., Alpina Publisher, 598 p. (in Russian).

Nesterova, N.M. (2016) Text and its "projections": in memory of Y. A. Sorokin and A. I. Novikov // *Voprosy Filosofii*. Vol. 3 (29) pp. 169–175 (in Russian).

Novikov, A.I. (2007) *Text and its semantic dominants*, M., Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences, 224 p. (in Russian).

Pavilenis, R.I. (1986) *The problem of meaning: modern logical and philosophical analysis of language*, M., Mysl, 286 p. (in Russian).

Pelevin, V.O. (1996) *Chapaev and the Void*, M., Eksmo, 416 p. (in Russian).

Pishchalnikova, V.A. (2018) Actual problems of ethnopsycholinguistics // *Ethnopsycholinguistics*. Vol. 1 pp. 9-25 (in Russian).

Second meeting with T. Chernihivskaya, (2016) [Electronic resource] URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-tatyana-chernigovskaya-pozner-vypusk-ot-25042016> (accessed: 12/25/2019) (in Russian).

Semyonova, T. I. (2007) *Linguistic phenomenon of appearance*, Irkutsk, Publishing huse of ISLU, 237 p. (in Russian).

Shakhovsky, V. I. (2008) Emotions in zero communication // *People in communication: cultural linguistics and pragmatics.*, Izvestiya VGPU, pp. 75-83. (in Russian).

Shakhovsky, V. I. (2016) *Dissonance of ecology in the communicative circle: man, language, emotions*, Volgograd, Publishing House Polikarpov I. L., 504 p. (in Russian).

Shakhovsky, V. I. (2019) Modern mass media: responsibility of a journalist // *Ecology of language and communication practice*. Vol.1 pp. 1-12 (in Russian).

Stavropol media will come out with "white spots", (2010) [Electronic resource] URL: <http://stavr.info/news/1990> (accessed: 10/13/2019). (in Russian).

Surodina, N. R. (1999) *Linguistic and Cultural field "emptiness":* autoreference, Volgograd, 23 p. (in Russian).

Voloshina, V. (2016) *White spots of August 1991. About the Leningrad censorship and the Leningrad resistance during the putsch* [Electronic resource] URL: https://m.gazeta.ru/25_years_without_the_USSR/10138835.shtml (accessed: 03/26/2020). (in Russian).

Zalevskaya, A.A. (2001) *Text and its understanding*, Tver, 177 p. (in Russian).

Zarechnaya Street. Izvestia in Ukraine, (2012) [Electronic resource] URL: http://zabor.zp.ua/gallery/details.php?image_id=9104&mode=search (accessed: 10/13/2020). (in Russian).